
Предисловие

В современном мире большое значение придается благотворительности как одному из факторов стабильного развития общества. Для России эта проблема имеет особую актуальность. Массовое обнищание населения, глубокий разрыв между бедностью и богатством, ослабление системы социальной защиты создают угрозу устойчивому развитию одной из самых богатых природными ресурсами стран мира. Благотворительность не является панацеей от социальных недугов, но она обладает значительным потенциалом в решении социальных проблем. После десятилетий поругания и забвения благотворительность вновь вошла в нашу жизнь, и вместе с тем возродился интерес к ее истории. Исторический опыт благотворительности востребован в наши дни, но именно в этой области исторических знаний бытует множество вымыслов и легенд.

Историкам пришлось заново осваивать «затонувший континент», как назвала историю российской благотворительности известная американская исследовательница Адель Линденмайер, ставшая первопроходцем ее изучения в современной историографии. Теперь можно утверждать, что «открытие Атлантиды» состоялось. Уже многое сделано, но на карте «затонувшего континента» остается немало белых пятен. На первых порах сказалось увлечение новой проблематикой, некоторые историки не избежали нравоучительного тона, восхваления благотворительности и преувеличения ее спасительной роли в предотвращении социальных катаклизмов. В публикуемой в данном сборнике статье Адель Линденмайер рассматривает основные тенденции изучения благотворительности и намечает новые направления исследований. Автор считает, что настало время углубленных концептуальных исследований в этой области, и ратует за тщательный анализ фактов, внимание к нюансам, взвешенный подход к изучению благотворительности во всем ее многообразии.

Потребность совершать добрые дела, чувства сострадания и милосердия присущи людям независимо от их национальности и вероисповедания. Тем не менее, благотворительность у разных народов имела свои особенности. Большое

влияние на благотворительность оказала религия. В Древней Руси сирые и убогие находили кров и пропитание при церквах и монастырях, княжьих палатах и домах благочестивых соотчичей. Почти при каждой церкви имелась одна или несколько «нищенских изб», при соборах и монастырях устраивались кельи, скудельницы и богадельни для престарелых, больных, увечных и подкидышей. В голодные годы тысячи людей кормились подаванием в монастырях. При некоторых из них существовали нищенские слободки, заселенные оскуделым людом. Самой распространенной формой благотворительности была милостыня, которая дополняла церковное богослужение и подавалась из любви к ближнему, во искупление грехов и спасение души самого милостивца.

В статье С.А. Исаева исследуются особенности отношения христианских конфессий и объединений к благосостоянию и материальному обустройству земной жизни. Традиции, имеющие религиозное происхождение, до сих пор оказывают влияние на хозяйственную деятельность и экономическое поведение индивидов и целых коллективов. Рыночная экономика не исключает необходимости нерыночных механизмов распределения материальных благ. По мнению автора, различия между христианскими церквями, хотя и опосредованно, продолжают отражаться на характере благотворительности в наши дни. Однако особенности отношения к земным благам и благотворительности не являются неизменными.

С течением времени в истории русской благотворительности наметился поворот от традиционного церковного «нищелюбия» к секуляризованной организации призрения. Стоглавый собор, созванный в 1551 г. Иваном Грозным «во исправление церковного благочиния, государственного управления и всякого земского строения», постановил для «всех прокаженных и престаревшихся <...> в каждом граде устроить богадельни мужские и женские» на средства казны и под управлением «градских целовальников». Борисом Годуновым впервые были заведены общественные работы для голодающих.

В 1682 г., в царствование Федора Иоанновича, было заявлено намерение «разобрать» нищих и, как «во всех странах Еуропских», возбранить им просить милостыню, поместить дряхлых и увечных в шпитальни или богадельни, а здоровых и притворных нищих принудить «хлеб свой заживать работою или каким ремеслом к общенародной пользе». Влияние протестантизма обнаруживается в указах Петра I, который повелел сурово карать «здравых и ленивых прошаков», запретил просить и подавать милостыню под страхом штрафа и гораздо более тяжелых наказаний по отношению к нищим — вплоть до каторжных работ. Наряду с карательными мерами Петр I поручил городским магистратам и монастырям озаботиться устройством богаделен, госпиталей и школ. Впрочем, великий государь не слишком преуспел в борьбе с нищенством, но с той поры государство своей «социальной политикой» во многом стало определять направление развития призрения и благотворительности в стране.

Запреты, угрозы и жестокие наказания мало помогали. В эпоху просвещенного абсолютизма были приняты меры к предупреждению нищенства. Важным событием стало учреждение в 1763 г. Московского воспитательного дома. В статье Т.Г. Фруменковой обстоятельно и всесторонне прослеживается изменение статуса и состава Опекунского совета, выясняются права опекунов Московского воспитательного дома и его Петербургского отделения, а также круг их обязанностей по руководству, решению финансовых вопросов и защите привилегий

этих заведений в царствование Екатерины II. В 1775 г. Учреждением о губерниях были введены Приказы общественного призрения, на которые возлагались обязанности по оказанию помощи нуждающимся. К этой деятельности попытались привлечь общественные силы. Еще в 1765 г. была основана первая общественная организация — Вольное экономическое общество, цель которого заключалась в развитии сельского хозяйства и предотвращении обнищания народа.

В начале XIX в. по частной инициативе возникли крупные общественные организации, ставившие перед собой благотворительные цели, — Человеколюбивое общество (1802 г.) и Женское патриотическое общество (1812 г.). Однако их деятельность велась под жестким контролем и при участии государства, что придавало им несколько бюрократический характер. В 1828 г. было образовано IV Отделение Собственной его императорского величества канцелярии, в 1854 г. получившее название Ведомства учреждений императрицы Марии — в честь императрицы Марии Федоровны, которая со времени воцарения своего супруга императора Павла управляла воспитательными и родовспомогательными заведениями, детскими приютами, женскими институтами и училищами. Человеколюбивое общество, Женское патриотическое общество и особенно Ведомство учреждений императрицы Марии вплоть до 1917 г. оказывали сильное влияние на развитие благотворительности в стране.

Статья Л.Г. Рогушиной посвящена одному из аспектов деятельности Человеколюбивого и Женского патриотического обществ — попечению о девочках-сиротах в начальный период существования этих обществ. Г.Н. Ульянова, внесшая существенный вклад в изучение национального опыта российской благотворительности, в своей статье останавливается на важной проблеме, которая прежде ускользала от внимания историков. Автор сосредоточивается на изучении недвижимой собственности как материального ресурса Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества в XIX — начале XX в. В результате распространения практики пожертвований недвижимой собственностью и начавшегося в последней четверти XIX в. строительства собственных доходных домов Мариинского ведомства и Человеколюбивого общества образовался значительный фонд недвижимости, доходы от аренды которой поступали на содержание благотворительных заведений. Одновременно развивалась юридическая база, регулировавшая передачу и использование недвижимости и доходов с нее на нужды благотворительности.

Под эгидой этих и других «установлений, на особых основаниях управляемых» и тесно примыкавших к органам государственной власти, сформировалась разветвленная сеть благотворительных учреждений, обществ и заведений. В этом заключалась особенность российской организации социальной помощи. Такой порядок позволял государству в значительной мере аккумулировать частные пожертвования, направлять и контролировать благотворительную деятельность в стране. Каждое министерство и ведомство создавало свои благотворительные структуры. Более половины всех благотворительных обществ и заведений находились в ведении Министерства внутренних дел. Функции министерства по отношению к этим благотворительным обществам заключались главным образом в утверждении их уставов, за соблюдением которых следили местные власти, а также в рассмотрении отчетов об их деятельности в тех случаях, когда общества ходатайствовали о предоставлении им денежных пособий. Однако благотворительные учреждения и

организации распределялись по стране весьма неравномерно, концентрируясь в ее европейской части, преимущественно в столицах и крупных городах. Для такой гигантской страны, как Россия, их было до крайности недостаточно. В сети благотворительных организаций зияли огромные прорехи.

На разных этапах истории России изменялись формы и направления благотворительной деятельности, а также соотношение сил, занятых в сфере помощи нуждающемуся населению, — церкви, государства, сословных обществ, органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц. С введением земских учреждений (1864) и учреждений городского общественного управления (1870) им были переданы обязанности Приказов общественного призрения вместе с их «богоугодными заведениями», находившимися по большей части в плачевном состоянии. Упрочилась тенденция к организации благотворительности на «рациональных началах».

Подъем общественной активности выразился в создании многочисленных благотворительных обществ, бурный рост которых произошел в конце XIX — начале XX в. Массовый характер приобрела помощь голодающим в 1892–1893 гг. Страшное народное бедствие вызвало живой отклик в разных слоях русского общества. Распространению благотворительных обществ способствовало значительное облегчение процедуры их открытия и выработка типовых уставов, в частности, примерного устава обществ пособия бедным 1897 г. Таковые общества утверждались губернатором без излишних бюрократических формальностей и проволочек. Временные правила об обществах, союзах и собраниях 4 марта 1906 г. упростили создание общественных организаций, хотя и сохранили контроль за ними со стороны губернаторов. Тем самым была создана более благоприятная почва для открытия всевозможных благотворительных обществ.

Особым размахом благотворительной деятельности отличались москвичи. Активную позицию в борьбе с нуждой занимало Московское городское общественное управление. С конца 1894 г. в Москве стали создаваться городские участковые попечительства о бедных по образцу существовавших в немецком городе Эльберфельде. Таким образом был подан пример рациональной организации благотворительной помощи с ярко выраженным стремлением к ее индивидуализации и децентрализации. В статье О.В. Динеевой рассмотрены благотворительные инициативы московских городских властей в деле помощи безработным в начале XX в. Приступить к претворению в жизнь этих инициатив московское городское самоуправление смогло благодаря значительным частным пожертвованиям.

Наряду с активизацией общественности и внедрением новых институциональных форм благотворительности продолжала существовать сословная благотворительность. Хотя в этот период значение благотворительной деятельности сословных обществ (дворянских, мещанских, ремесленных, крестьянских) несколько снизилось, сохраняло свои позиции в благотворительности купеческое сословие. Высокой организованностью, нравственной ответственностью и щедрыми пожертвованиями выделялись купцы-старообрядцы, благотворительная деятельность которых развивалась в сложных условиях правительственных гонений. Е.А. Каменева в своей статье прослеживает развитие благотворительности петербургских старообрядцев разных согласий и толков в XVIII — первой половине XIX в. Купцы-старообрядцы, как и купечество в целом, совершали

«богоугодные дела» не только по отношению к «своим», но и к «чужим» по вере, сословию и национальности. В статье О.К. Павловой на материалах Петербурга показан весомый вклад купеческого сословия в развитие социальной сферы города во второй половине XIX – начале XX в.

Важную роль в «адаптации» иностранцев в России играли создававшиеся ими благотворительные общества, которые оказывали разнообразную помощь соотечественникам. В Петербурге действовали швейцарское, французское, германское, итальянское, английское, бельгийское и т. п. благотворительные общества. Примечательно, что иностранные предприниматели не замыкались в рамках своих национальных объединений, а активно участвовали в общественной жизни города. Как подчеркивается в статье М.Н. Барышникова и К.К. Вишнякова-Вишневецкого, широкая благотворительная деятельность иностранцев в Петербурге в начале XX в. способствовала установлению ими неформальных общественных связей, повышению их деловой репутации и авторитета не только в столичных торгово-промышленных кругах, но и среди городского населения, что, в свою очередь, благоприятным образом отражалось на успешности их предпринимательской деятельности.

В новые формы облекалась и благотворительность Русской православной церкви. В статье Н.Г. Дружинкиной неоднозначно оценивается деятельность петербургских церковно-приходских попечительств, православных братств, обществ распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, попечительств о народной трезвости и других церковно-приходских благотворительных обществ в конце XIX – начале XX в. Дружинкина отмечает позитивную роль церкви в упрочении национальных традиций и вспомоществовании населению в различных сферах образования, культуры и быта, но вместе с тем указывает на слабые стороны церковно-приходских обществ.

Причины их инертного развития автор видит в «нестроениях» в церковно-государственных отношениях, бюрократизации церковного управления, идейном размежевании духовенства, нарастании оппозиционных настроений, замкнутости и малообразованности духовного сословия, бедности приходского духовенства и прихожан, падении авторитета православной церкви, распространении атеизма и уходе из лоно церкви мирян. Одна из первоочередных задач заключалась в реформировании прихода и предоставлении ему прав юридического лица. Нерасторжимая связь с государством препятствовала свободе внутреннего развития церкви в соответствии с православными канонами. Системный кризис государственной власти охватывал и православную церковь как опору самодержавия и часть структуры государственного управления.

С иных позиций подходит к изучению церковно-приходской благотворительности Е.Ю. Апкаримова. На конкретном фактическом материале автор рассматривает деятельность церковно-приходских попечительств и православных братств на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. В помощи нуждалась не только паства, но и сами пастыри. Церковная благотворительность распространялась на бедняков духовного звания, их вдов и сирот, причем на пособия духовенству выделялись самые значительные суммы. Церковно-приходские общества заботились об увеличении благотворительных средств и их рачительном расходовании, сотрудничали с другими благотворительными организациями и вели поиск рациональных способов благотворительности.

Возможно, масштаб деятельности уральских попечительств и средства, которыми они располагали, кому-то покажутся весьма скромными, но многим людям эти рубли и копейки помогли в беде.

Церковь — великая утешительница и наставница. Повсюду конфессиональные благотворительные организации занимали и занимают видное место в оказании помощи нуждающимся. Не случайно именно церковь в наши дни проявляет обеспокоенность нравственным состоянием общества, взывает к совести сильных мира сего и напоминает слова апостола Павла: «Спешите творить добро». Добрые дела творят верующие и неверующие. Мотивы у благотворителей бывают разные — нравственные, религиозные, гражданские, патриотические, идейные, честолюбивые, деловые и пр. Каковы бы ни были побуждения благотворителей — возвышенные или приземленные, все они благо творят или, по крайней мере, стремятся к этому.

Трудно переоценить значение благотворительности в истории человечества. Однако никакими «подвигами благотворительности», как в старину называли самоотверженную помощь нуждающимся, нельзя было решить сложные социальные проблемы, имевшие глубокие корни. Более того, неразборчивое подаяние только «увекочивало» нищету, порождая праздность, апатию и профессиональное нищенство. В обществе зрело понимание того, что бороться надо с причинами массовой бедности и нищеты, а не со следствиями такого ненормального положения.

В дореволюционной России в муках зарождалась система социальных гарантий, которая обрела реальные очертания уже в советское время в виде собесов, соцстраха и профсоюза. Благотворительность является ценным дополнением к системе социальной защиты, но не должна и не может заменить ее целиком. Преимущество благотворительности заключается в большой гибкости, которая позволяет быстро реагировать на «чрезвычайные ситуации», индивидуализировать помощь, восполнять пробелы законодательства, поддерживать слабых и стимулировать сильных, направлять финансовые потоки в желаемое для благотворителя, мецената и спонсора русло, упрочивать социальную защиту, делать нашу жизнь ярче и насыщеннее.

Благотворительность как область общественной деятельности облекалась в организованные формы. Благотворительные общества отличались значительным разнообразием по направлению, средствам и размерам деятельности. Помощь оказывалась престарелым, увечным, голодающим, погорельцам, пострадавшим от несчастных случаев, заключенным в тюрьмах, раненым воинам, сиротам, подкидышам, беспризорным детям, учащимся, студентам, курсисткам, деятелям науки и искусства. В начале XX в. усилилась активность благотворительных организаций, действовавших в рамках местного самоуправления, заметно возросло число профессиональных, национальных, земляческих объединений, включая разного рода общества, фонды и кассы взаимопомощи.

Весомый вклад внесли благотворители в дело просвещения. Без преувеличения можно утверждать, что в России не было такой губернии и такого города, где бы не оказывалась благотворительная помощь учебным заведениям, а некоторые из них возникли исключительно по частной инициативе и на благотворительные средства. Л.Н. Кораблина в своей статье приходит к выводу, что благотворительность, хотя и не могла восполнить недостаток государственного финансирования

учебных заведений, все же способствовала неуклонному развитию образования в Воронеже в XVIII–XIX вв.

Другой пример благотворительности на ниве просвещения представлен в статье В.В. Морозана о Санкт-Петербургском обществе народных университетов, возникшем в 1906 г. Народный университет являлся наиболее демократичным типом учебного заведения. В нем любой желающий, независимо от уровня его образования, возраста, пола и сословия, мог расширить свои познания, выбрав наиболее интересующий его курс лекций. Создание народных университетов отвечало назревшей потребности населения в знаниях, но стало возможным только после первой русской революции. Автор показывает, с какими трудностями была сопряжена деятельность негосударственного учебного заведения и общественной организации, особенно если она внушала политические опасения.

В статье И.Е. Барькиной рассмотрен порядок учреждения и присуждения академических премий и наград ученым и писателям за сочинения и решение конкурсных задач. Во второй половине XIX – начале XX в. Академией наук присуждалось более двадцати постоянных и разовых премий, наиболее известными из которых были Демидовская и Уваровская премии. Большинство премий учреждалось по частной инициативе и на благотворительные средства. Учредители определяли направление исследований, критерии конкурсного отбора, способы пополнения премиальных фондов и т. д. Среди удостоенных академических премий и наград были Н.И. Пирогов, В.И. Даль, Н.И. Костомаров, А.Н. Островский, И.И. Мечников, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, С.Ф. Платонов, И.А. Бунин. Благотворительные премии и награды служили средством материальной поддержки и нравственного поощрения ученых и писателей.

Истории создания уникальной организации взаимопомощи писателей посвящена статья В.Н. Сажина. Литературный фонд, основанный в 1859 г. как Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, представляет собой одну из немногих общественных организаций дореволюционной России, сохранившуюся до нашего времени, хотя и подвергшуюся значительной трансформации. В деятельности Общества были свои подъемы, спады и даже перерывы. Его средства складывались из ежегодных и единовременных взносов членов Общества, пожертвований «ревнителей просвещения», доходов от публичных чтений, благотворительных спектаклей, изданий литературных и ученых трудов. В числе тех, кому была оказана помощь, были лица, прямо или косвенно пострадавшие от политических репрессий, – дети А.Н. Радищева, декабристы М.А. Бестужев и В.И. Штейнгель, петрашевец С.Ф. Дуров, вдова В.Г. Белинского, студенты, высланные из Петербурга за участие в студенческих волнениях осенью 1861 г. Неудивительно, что Общество вызывало настороженное отношение властей.

Политика вторгалась даже в такую мирную сферу человеческой деятельности, как благотворительность, и чем дальше, тем сильнее ощущалось ее влияние. Центр тяжести в организации социальной помощи постепенно смещался в сторону общественности. Государство не в состоянии было справиться с организацией призрения своими силами и средствами, а потому переключивало заботы о призрении на плечи местного самоуправления, благотворительных обществ и частных лиц, но при этом оно стремилось удержать за собой контроль за распределением финансовых средств и неохотно шло на то, чтобы в законодательном порядке обеспечить работу земств и городов в этом направлении.

Проявлению общественной инициативы препятствовали цензовый характер земского и городского самоуправления и его зависимость от правительственной администрации, а также скудость местного бюджета, в большой мере обусловленная несовершенством налоговой системы и диспропорцией в доходах центрального государственного управления и местного самоуправления. К числу фундаментальных недостатков можно отнести слабость русской общественности, крайнюю политизацию общественной жизни, бедность и невежество основного населения, зыбкость государственного бюджета, построенного на винной монополии и хлебном экспорте.

Наша история богата примерами милосердия и человеколюбия, щедрости и великодушия. Почет и уважение заслужили своей деятельностью знаменитых благотворители и меценаты — Бахрушин, Елисеевы, Мамонтов, фон Мекк, Морозов, Нобели, Поляковы, Ратьков-Рожнов, Рукавишниковы, Рябушинский, Содатенков, Тенишева, Третьяковы, Штиглиц, Щукин и многие другие. Вместе с тем в деятельности благотворительных организаций имелось множество недостатков, вызванных отсутствием опыта и неумением вести дело. Время от времени в печати публиковались сообщения о хищениях и злоупотреблениях «акробатов благотворительности». Из-за нехватки благотворительных заведений, неудовлетворительного состояния многих из них и недоверия к ним населения в России сохранялся древний обычай милостыни. По самым скромным подсчетам, в стране ежегодно раздавалось не менее 27 млн. руб. в виде милостыни.

Несмотря на выдающуюся деятельность целого ряда благотворительных организаций, учреждений и частных лиц, состояние призрения и благотворительности в дореволюционной России было неудовлетворительным. Современники в один голос характеризовали его как хаотическое. Проблема заключалась в том, что не были установлены категории лиц, подлежащих обязательному призрению, не определены источники финансирования социальной помощи и не разграничены обязанности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению призрения, а следовательно, не было ясности в том, что же остается на долю благотворительности. Положение осложнялось ведомственным сепаратизмом, конфликтами местного и центрального управления, разобщенностью благотворительных организаций.

В конце XIX в. реформа общественного призрения в России стала насущной необходимостью. В 1892–1897 гг. ее разработкой занималась Комиссия по пересмотру законов о призрении бедных под председательством статс-секретаря К.К. Грота. Работа Комиссии фактически зашла в тупик, так как при массовой бедности населения реформа требовала непосильных для государства расходов. В связи со смертью Грота Комиссия прекратила свою работу.

Первая русская революция открыла перед русской общественностью новые возможности. В 1908 г. был создан Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, который активно включился в разработку назревших социальных проблем. Объединению и взаимодействию разрозненных сил русской общественности способствовали состоявшиеся в 1910 и 1914 гг. всероссийские съезды по призрению и благотворительности.

В целях преобразования общественного призрения в стране тщательно изучался зарубежный опыт. Как показано в статье Л.А. Булгаковой, с созданием

Союза заметно активизировалось участие российских представителей в международных конгрессах по призрению и благотворительности. На конгрессах обсуждался широкий спектр проблем, включая вопросы охраны материнства и младенчества, трудовой помощи, социального страхования, участия муниципалитетов в общественном призрении, предупреждения пауперизма, строительства жилищ для рабочих, подготовки работников социальной сферы и т. д. В связи с недостатком финансовых средств в России намечалось поэтапное введение обязательного призрения отдельных категорий нуждающихся.

Начавшаяся Первая мировая война потребовала от правительства и общества безотлагательных и конкретных действий. Проблемы призрения и благотворительности приобрели совсем иной масштаб. Число нуждающихся и расходы на призрение и благотворительность возросли стократ. Именно тогда утвердилось представление, что социальная помощь гражданам, впадшим в нужду, — не милость и не благодеяние, а обязанность государства и общества. Для оказания помощи жертвам войны — больным, раненым и увечным воинам, солдатским семьям, беженцам и беспризорным детям — по всей стране создавались разнообразные организации.

11 августа 1914 г. под председательством императрицы Александры Федоровны был образован Верховный совет по призрению солдатских семей, деятельность которого вскоре распространилась на другие сферы призрения и благотворительности. Верховный совет был устроен по типу междудеPARTMENTальных комиссий и полугосударственных установлений. Аналогичным образом были сформированы Елизаветинский, Ольгинский, Татьянинский и другие именные комитеты, которые проводили огромную работу, сочетая государственные и общественные функции.

Среди общественных организаций того времени особое место занимали два крупнейших объединения — Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам, возникшие по инициативе москвичей и устроенные на демократических началах. В напряженной обстановке предреволюционных лет союзы превратились в грозную политическую силу, с которой нельзя было не считаться. О сложных взаимоотношениях союзов с властями и перипетиях острой политической борьбы дает представление комплекс документов, подготовленный к печати С.В. Куликовым.

Земский и Городской союзы получали значительные государственные субсидии, без которых их обширная деятельность была просто немыслима. Ценные сведения о финансировании благотворительных организаций царским правительством приведены в дискуссионной статье С.В. Куликова. По его мнению, щедрое субсидирование оппозиционных благотворительных организаций в ущерб казенным учреждениям, проправительственным организациям объяснялось позицией правящей бюрократической элиты во главе с императором, которые демонстрировали свое стремление сотрудничать с оппозицией, готовность идти на компромисс во имя «священного единения».

В историографии предоставление широких полномочий и государственных субсидий союзам трактуется как вынужденная мера, вызванная чрезвычайными обстоятельствами военного времени. Куликов подчеркивает неурядицы в деятельности союзов — бесхозяйственность, хищения, неоправданные траты, слабый контроль, бюрократизм, «политиканство» и т. д. Однако неоспоримыми

достоинствами этих организаций являлись инициативность, способность быстро мобилизовать свои силы и «освоить» огромные денежные средства, наконец, немаловажно, что на их стороне была поддержка общественности. Нельзя не учитывать, что за плечами у земских и городских деятелей имелся полувековой опыт местного самоуправления и десятилетний опыт работы Общеземской организации. Потенциал монархических организаций не шел ни в какое сравнение с потенциалом союзов, а недостатки казенных учреждений общеизвестны. Действительно, усиление оппозиционных общественных организаций представляло большую опасность для существующего режима, но замены им фактически не было.

Будучи оплотом либеральной оппозиции, общественные организации прибили смертный час монархии. После Февральской революции благотворительные учреждения и общества перешли в ведение Министерства государственного призрения, образованного в мае 1917 г. Прежние благотворительные структуры разваливались, а новую систему социальной защиты населения еще только предстояло создать. Смягчить социальную напряженность средствами благотворительности не представлялось никакой возможности. Временное правительство оказалось не в состоянии справиться с грузом обрушившихся на него проблем. В стране воцарился хаос.

С приходом к власти большевиков Министерство государственного призрения было преобразовано в Наркомат государственного призрения, который в апреле 1918 г. стал называться Наркоматом социального обеспечения. Капиталы и имущество благотворительных организаций были национализированы, и вопросы социальной помощи сосредоточились в руках государства. О том, как складывалась советская система социального обеспечения, как решались административные и кадровые вопросы в 1918–1930-х гг., читатель узнает из статьи В.В. Тевлиной. Несмотря на идеологические установки, жесткую централизацию и контроль, которому подверглась социальная сфера, на практике учитывался накопленный до революции опыт. Примечательно, что при проведении социальных мероприятий государство опиралось на общественный потенциал и безвозмездно использовало «благотворительные порывы общественности».

Традиции благотворительности продолжались в Русском зарубежье, где эмигранты возобновляли прежние общества и создавали новые. К.А. Аветисян в своей статье размышляет о типологии благотворительных организаций в «зарубежной России» между двумя мировыми войнами. Характеризуя состояние благотворительности среди эмигрантов, автор отмечает долговременность создаваемых ими организаций. Как правило, своим существованием эти благотворительные организации были обязаны инициативе и средствам частных лиц.

Выдающаяся роль в истории благотворительности принадлежала женщинам. В сборнике публикуется серия кратких биографических очерков «Женщины русской эмиграции», написанных Е.Л. Миллер (урожд. Лозинской), хранящихся в Бахметевском архиве (США) и подготовленных к печати О.Р. Демидовой. Миллер эмигрировала из России в 1918 г. и была лично знакома с героинями своего «биографического словаря». Среди них были известные женщины, прославившиеся своей благотворительной деятельностью — Л.И. Любимова, В.К. Мещерская, Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), А.В. Романова и др.

Таким образом, в сборник вошли новые документы по истории благотворительности, общетеоретические и методологические разработки проблемы и ис-

следования по отдельным направлениям благотворительности XVIII – начала XX в. Особое внимание уделено отношениям государства и общественных организаций, роли церкви и частных предпринимателей в развитии благотворительности, участию женщин в благотворительном движении, международным связям благотворительных организаций, поддержке науки, образования и литературы, источникам финансирования социальной помощи в годы Первой мировой войны, продолжению благотворительной деятельности в эмиграции и созданию системы социальной помощи при советской власти.

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен в сотрудничестве с историками из Москвы, Архангельска, Воронежа и Екатеринбурга, но у него есть «петербургский акцент». Это объясняется не только преобладанием петербуржцев в составе авторского коллектива. Именно из Петербурга исходили многие благотворительные инициативы, в столице были сосредоточены органы центрального государственного управления, включая Министерство внутренних дел, ведавшее вопросами призрения и осуществлявшее контроль за благотворительными обществами, здесь же находился «Генеральный штаб русской благотворительности» – Ведомство учреждений императрицы Марии, а также Императорское Человеколюбивое общество, почти все, за немногим исключением, именные комитеты и другие общественно-государственные структуры, раскинувшие сеть своих дочерних учреждений и благотворительных заведений по всей стране. В наше время в Петербурге разворачивает свою работу Международный благотворительный фонд имени Д.С. Лихачева, который, по существу, стал всероссийским центром изучения истории и современного состояния благотворительности.

Сборник предназначен как для специалистов, так и для всех тех, кто интересуется историей нашей страны, озабочен ее настоящим и тревожится за ее будущее. Приношу глубокую благодарность рецензентам сборника – профессору Санкт-Петербургского государственного университета Михаилу Федоровичу Флоринскому и главному научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН Валентине Григорьевне Чернухе, сделавшей ряд ценных замечаний в процессе работы над сборником, а также старшему научному сотруднику СПб ИИ РАН Владимиру Юрьевичу Черняеву и заведующему Отделом современной истории России Александру Николаевичу Чистикову за советы и уточнения. За помощь в решении организационных вопросов выражаю искреннюю признательность директору Санкт-Петербургского института истории РАН Виктору Николаевичу Плешкову и генеральному директору издательства «Нестор-История» Сергею Ефроимовичу Эрлиху.

Л.А. Булгакова